

ӘОЖ 93:396.51 МҒТАР 07.00.01

Махкамова Рано Аловиддинқызы

докторант

Мирзо Улуғбек атындағы Өзбекстан ұлттық университеті

<https://orcid.org/0009-0008-0914-4728>

E-mail: ranomaxkamova082312@gmail.com

ӘЙЕЛ, СОҒЫС ЖӘНЕ ҚАЙҒЫ: ЕКІНШІ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК СОҒЫС КЕЗІНДЕ ТЫЛДАҒЫ ӨЗБЕК ӘЙЕЛДЕРІ

Аңдатпа

Мақалада Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Өзбекстан әйелдерінің қоғамдағы орны мен қызметі жан-жақты қарастырылады. Соғыс жылдарындағы ауыр жағдайларда әйелдер ауыл шаруашылығы, өнеркәсіп, білім беру, мәдениет және әлеуметтік өмірдің басқа да салаларында белсенді еңбек етті. Зерттеуде олардың тек қана экономикалық үлесі емес, сонымен бірге күнделікті өмірде бастан кешкен эмоционалды-психологиялық тәжірибелері де талданады. Кеңестік идеологияда қалыптасқан «жанқияр әйел» бейнесі ресми үгіт-насихат арқылы таралып, әйелдердің батылдығы мен төзімділігі ерекше көрсетілді.

Мақала архивтік құжаттар, сол дәуірдің баспасөз материалдары мен қатысушылардың естеліктеріне сүйене отырып жазылған. Дереккөздер негізінде соғыс кезіндегі әйелдердің ауыр тағдыры, тұрмыстық қиындықтармен күресі және гендерлік рөлдердің өзгеруі ашып көрсетіледі. Автор зерттеу барысында тарихи деректерді салыстырмалы талдау әдісін қолдана отырып, әйелдердің әлеуметтік бейнесін жаңа қырынан көрсетуге ұмтылады. Бұл еңбек өзбек әйелдерінің соғыс жылдарындағы әлеуметтік-экономикалық және мәдени өмірдегі үлесін түсінуге, сондай-ақ гендерлік тарихты тереңірек зерделеуге мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: Өзбекстан, Екінші дүниежүзілік соғыс, Әйел еңбегі, Гендерлік рөлдер, Әлеуметтік қызмет, Мәдени қызмет, Эмоционалды тәжірибе, Жанқияр әйел, Ауыл шаруашылығы мен өнеркәсіп.

Махкамова Раъно Аловиддин кизи

докторант

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Исторический факультет

<https://orcid.org/0009-0008-0914-4728>

E-mail: ranomaxkamova082312@gmail.com

ЖЕНЩИНА, ВОЙНА И СТРАДАНИЕ: УЗБЕКСКИЕ ЖЕНЩИНЫ В ТЫЛУ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье всесторонне анализируется социальная, экономическая и культурная деятельность женщин Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. В условиях военного времени женщины активно трудились в сельском хозяйстве, промышленности, образовании, культуре и других сферах общественной жизни. Рассматривается не только их экономический вклад в развитие страны, но и эмоционально-психологические испытания, с которыми они сталкивались в повседневной жизни. Особое внимание уделено образу «самоотверженной женщины», который формировался и закреплялся в советской идеологии

посредством официальной пропаганды, где подчеркивались стойкость, смелость и терпение женщин.

Исследование основано на архивных документах, материалах периодической печати и мемуарных источниках. На основе этих данных освещается трудная судьба женщин военного времени, их борьба с бытовыми лишениями, а также изменение традиционных гендерных ролей в условиях войны. В статье применяются сравнительно-исторический и аналитический методы, что позволяет представить более полную картину участия женщин в социально-экономической и культурной жизни страны. Работа способствует углубленному изучению гендерной истории и позволяет осмыслить роль женщин Узбекистана в годы войны как важную часть исторической памяти народа.

Ключевые слова: Узбекистан, Вторая мировая война, Женский труд, Гендерные роли, Социальная деятельность, Культурная деятельность, Эмоциональный опыт, Самоотверженная женщина, Сельское хозяйство и промышленность.

Makhkamova R.

Doctoral student

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek

Faculty of History

<https://orcid.org/0009-0008-0914-4728>

E-mail: ranomaxkamova082312@gmail.com

WOMAN, WAR, AND SUFFERING: UZBEK WOMEN ON THE HOME FRONT DURING THE SECOND WORLD WAR

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the social, economic, and cultural activities of women in Uzbekistan during the years of the Second World War. Under the difficult conditions of wartime, women took an active part in agriculture, industry, education, culture, and various other areas of public life. The study examines not only their economic contribution to the country's development but also the emotional and psychological challenges they faced in everyday life. Special attention is paid to the image of the "selfless woman" created and promoted within Soviet ideology, where women's endurance, bravery, and resilience were emphasized through official propaganda.

The research is based on archival documents, periodical press materials, and memoir sources. Drawing on these data, the article highlights the difficult fate of women during wartime, their struggle with everyday hardships, and the transformation of traditional gender roles in the context of war. By applying comparative-historical and analytical methods, the study seeks to provide a fuller picture of women's participation in the socio-economic and cultural life of the country. This work contributes to a deeper understanding of gender history and emphasizes the significance of Uzbek women's role during the war years as an essential element of the historical memory of the nation.

Keywords: Uzbekistan, Second World War, Women's labor, Gender roles, Social activity, Cultural activity, Emotional experience, Selfless woman, Agriculture and industry, Historical sources.

Введение

Вторая мировая война разворачивалась не только на полях сражений, но и в повседневной жизни тыла, полной напряжённой борьбы. По мере того как мужчины всё больше мобилизовывались на фронт, роль женщин в обществе претерпела глубокие изменения. Женщины Узбекистана взяли на себя трудовые обязанности в тылу и стали важными участницами экономической и социальной жизни республики.

Настоящая статья ставит своей целью изучение деятельности женщин, проживавших на территории Узбекской ССР в годы Второй мировой войны, с позиции гендерной историографии. В частности, анализируются трансформации гендерных ролей в условиях привлечения женщин в качестве трудового ресурса в сельское хозяйство, промышленность, сферу образования, здравоохранения и культуры, а также рассматриваются их психоэмоциональное состояние и феномен «эмоционального труда».

Исследование направлено на поиск ответов на следующие вопросы: в каких сферах трудились узбекские женщины в годы войны и как это повлияло на их положение в обществе? В каком «идеальном образе» они интерпретировались советской идеологией и какие противоречия возникали между этой интерпретацией и реальным опытом? Какими источниками раскрываются психоэмоциональные переживания женщин и в чём заключается их историческое значение?

Данная проблематика получила широкое освещение в западной историографии (Джоанна Бурк, Сьюзен Грейзел, Маргарет Хигоннет и др.) на основе феминистского и гендерного анализа. Однако в контексте Центральной Азии, в частности Узбекистана, эмоциональные и личностные измерения женского опыта, а также исследование, основанное на неофициальных исторических источниках, до сих пор остаются недостаточно изученными. В связи с этим настоящая статья стремится осветить деятельность узбекских женщин военных лет не только на основе официальных документов, но и устной истории, воспоминаний, газетных публикаций и личных рассказов.

Научная новизна статьи заключается в том, что история женщин рассматривается через призму современных исторических концептов, таких как гендерная асимметрия, трудовая эксплуатация, психоэмоциональная нагрузка и идеологический контроль.

Анализ научной литературы

Изучение участия женщин в годы Второй мировой войны с исторической и гендерной точек зрения в последние десятилетия оформилось в глобальной историографии как отдельное направление. Феминистская историография рассматривает данную проблематику не только в рамках трудовой статистики, но и в контексте социально-политического статуса женщин, их эмоционального опыта и трансформации гендерных ролей.

Так, Джоанна Бурк [1.384] в своём исследовании показывает, что в Великобритании женщины в годы войны благодаря труду смогли приблизиться к социальному статусу, сопоставимому с мужским. Д'Анн Кэмпбелл [2.320], в свою очередь, анализирует расширение гендерных норм через включение американских женщин в военные сферы. В европейской историографии такие авторы, как Маргарет Р. Хигоннет, Нэнси М. Вингфилд и Сьюзен Р. Грейзел, исследуют активное участие женщин в войне через призму гендерной политики, национальной идеологии и маскулинизированного образа женственности. Они выявляют, каким образом во время войны происходила трансформация гендерных стереотипов и как в послевоенный период эти изменения были вытеснены консервативными ролями.

В контексте Советского Союза и Центральной Азии, в особенности в отношении Узбекистана, исследования по данной теме до сих пор развиты недостаточно. Юлия Градскова в своей работе «Soviet Politics of Emancipation of Women During the Cold War» (2020) [3.270] критически анализирует советскую политику эмансипации женщин. Она подчёркивает, что политика «освобождения» женщин зачастую оставалась лишь на уровне пропаганды, в то время как на практике женщины выполняли многочисленные невидимые и эксплуататорские обязанности.

В узбекской историографии существуют отдельные значимые подходы к данной проблематике. Так, Н. Тошходжаева, М. Йулдашева, М. Охунова и другие [4] исследовали экономическую и социальную активность узбекских женщин в годы войны. Однако их работы в основном опираются на статистические данные и партийные документы. В этих

исследованиях практически не рассматриваются эмоциональные, психологические, культурные и гендерные измерения женского опыта.

Настоящая статья стремится восполнить данный пробел. Соединяя западные теоретические подходы с локальным историческим контекстом, автор обращается к многоаспектной и неофициальной природе опыта узбекских женщин в военные годы. Такой подход опирается на современные методологические инструменты гендерной историографии — дискурсивный анализ и концепции эмоциональной истории.

Источники и методология

Настоящее исследование при изучении деятельности женщин Узбекской ССР в годы Второй мировой войны опирается на современные подходы гендерной историографии, эмоциональной истории и дискурсивного анализа. Цель заключается в том, чтобы рассматривать женщин не только как статистический трудовой ресурс, но и как сложных социально-политических, эмоциональных и культурных субъектов. Задача исследования — проанализировать опыт женщин военного времени в многогранном контексте официальных дискурсов, идеологических образов и личных историй.

Основная источниковая база исследования включает:

- документы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (фонды № 837, 32 и 2766), содержащие материалы о труде, партийных решениях и протоколах местных органов управления;
- советскую прессу, в частности газеты «Қизил Ўзбекистон» и «Правда» (1940–1945), которые отражают интерпретации гендерных образов и механизмы пропаганды;
- интервью, собранные с использованием метода устной истории, в том числе жизненные рассказы женщин, трудившихся в тылу в годы войны (например, воспоминания участника Второй мировой войны дядя Анорбоя);
- женские мемуары, изданные в советский период, а также бюллетени о медицинской и духовной службе, письма и протоколы культурных мероприятий.

Труд женщин в сельском хозяйстве и реконструкция гендерных ролей

В годы Второй мировой войны сельское хозяйство в Узбекской ССР было реорганизовано как приоритетная отрасль экономики. В рамках советской военной стратегии задача обеспечения экономической стабильности была возложена на тыловое население, в особенности на женщин. В связи с этим женщины начали массово привлекаться к аграрному труду. Такая ситуация привела к временному, но весьма значительному пересмотру и реконструкции гендерных ролей.

Уже в августе 1941 года из 13 776 курсантов двухмесячных курсов трактористов при МТС (машинно-тракторные станции) и школах механизаторов в Узбекистане 12 478 человек, или 82,4 %, составляли женщины [5.190]. Подобные изменения свидетельствуют о перераспределении труда на гендерной основе в условиях войны. Как отмечает Маргарет Р. Хигоннет и другие исследователи, в военный период «гендерные идентичности временно размываются», что открывает женщинам путь к освоению новых социальных пространств.

К весне 1942 года в Узбекистане 3800 женщин работали в составе 75 специальных женских тракторных бригад. На их плечи были возложены такие задачи, как управление тракторами, эксплуатация агропромышленной техники, организация хлопководства [6.110]. К 1943 году только в Ташкентской области 4215 женщин завершили курсы трактористов. Среди них в прессе активно пропагандировались фигуративные героини, такие как Махбуба Джураева [7]. Подобные образы показывают, каким образом гендерные стереотипы перерабатывались в идеологическом ключе.

Тем не менее эти «эмансипационные» нарративы в основном формировались на идеологическом уровне. Юлия Градскова в своих исследованиях отмечает, что советская политика женской эмансипации зачастую носила характер «сверху вниз» и резко расходилась с реальным опытом женщин (Градскова, 2020).

Этот труд привёл к реконструкции гендерных ролей, однако в Европе данные изменения зачастую носили непостоянный характер. В Центральной Азии, в частности в Узбекистане, ситуация сложилась иначе. В своих статьях Джоанна Бурк отмечает, что после окончания войны женщины во многих случаях возвращались к традиционным обязанностям «домохозяйки». Это явление она определяет как «conditional empowerment» («условное расширение возможностей») — когда женщинам временно предоставлялись сила, социальный статус и признание, однако в мирное время эти свободы существенно сокращались (Bourke, 1999).

В Узбекистане же процесс развивался по-другому: многие женщины продолжили свою трудовую деятельность и после войны. Женщины оставались активными в производстве и в управленческих структурах. Так, в 1950-е годы более трёх тысяч женщин занимали руководящие должности, а 75–80 % рабочей силы швейных и текстильных фабрик составляли женщины [8.18].

Исследование также выявляет эмоциональный труд (emotional labor), выполняемый женщинами. Этот концепт был впервые разработан Арли Хохшильд и предполагает анализ не только физического труда, но и эмоционального напряжения в структуре социальных отношений [9.338]. Женщины Узбекистана работали в полях, воспитывали детей, переживали утраты и одновременно интерпретировались как «самоотверженные женщины». Их «двойная смена» (работа + дом) не отражалась во многих официальных документах, однако ярко проявляется в материалах устной истории, особенно в интервью.

Так, в воспоминаниях участника Второй мировой войны дядя Анарбая повседневная жизнь женщин описывается следующим образом: «С первыми сумерками утра нужно было идти в поле и трудиться до самой темноты, не покидая участка. Пока солнце не зайдёт и вокруг не станет ничего видно, женщины продолжали работать. Чтобы быстрее собрать урожай, приходилось оставаться в полевых шипонах по 10–15 дней подряд. На заводах и фабриках бывали времена, когда приходилось трудиться даже три смены подряд».

Таким образом, труд женщин Узбекистана в сельском хозяйстве в годы Второй мировой войны отражает сложный исторический опыт, сформировавшийся на пересечении советской гендерной политики и военной идеологии. Этот опыт демонстрирует идеологическую переработку гендерных ролей, невидимость эмоционального труда и краткосрочный характер условной эмансипации.

Участие женщин в промышленности и строительстве: экономическая необходимость и идеологический труд

Вторая мировая война потребовала резкой переориентации промышленного производства в Советском Союзе на военные нужды. В результате мобилизации мужчин и их отправки на фронт резко возросла потребность в рабочей силе на промышленных предприятиях. Для восполнения этого дефицита в Узбекской ССР женщин массово привлекали к работе в тяжёлой промышленности, металлургии, техническом обслуживании и строительстве. Это привело к резкому пересмотру гендерной структуры рынка труда.

Так, в 1941 году на заводе «Ташсельмаш» женщины составляли 52,6 % из 2624 рабочих, а к ноябрю того же года на 42 ташкентских промышленных предприятиях 7620 женщин осваивали «мужские» профессии. Они проходили краткосрочные курсы и обучались специальностям сварщика, токаря, механика и др. [10.144]. Эта ситуация соответствует понятию «instrumental inclusion» («инструментальное включение»), введённому Джоанной Бурк, когда женщин временно привлекают в технические сферы исключительно в силу экономической необходимости (Bourke, 1999).

В печати данный процесс постоянно идеализировался. Так, газета «Қизил Ўзбекистон» в номере от 15 июля 1944 года героически описывала трудовую деятельность Фазоиلى Урозовой на Ташкентском заводе металлических изделий. В строительстве Ташкентского канала участвовали колхозницы Ташкентского района имени Кирова Х. Эргашева и З.

Тухтаходжаева, перевыполнившие нормы земляных работ на 600–700 %. Их примеру последовали 70 женщин из Янгиюля, которые также выполняли свои нормы на 300–500 % [11].

Советская пресса стремилась представить женщин как «героинь трудового фронта». Однако, как отмечает Юлия Градскова, подобные образы часто конструировались государственной идеологией и могли существенно расходиться с реальным опытом женщин (Gradska, 2020).

Участие женщин в строительной сфере и в социальной инфраструктуре: забота, стабильность и общественная видимость

Женщины и девушки также принимали участие в возведении оборонительных сооружений. Эти изменения в трудовой деятельности, с одной стороны, способствовали росту компетенций женщин в технических сферах, но, с другой стороны, весь процесс проходил под жёстким идеологическим контролем. Несмотря на то что социальный статус женщин внешне повышался, их труд зачастую оставался в рамках «условной эмансипации» (conditional emancipation) (Higonnet et al., 1987).

В годы войны на тыл возлагались стратегически важные задачи заботы и поддержания социальной стабильности — в сферах образования, здравоохранения и культуры. Эти направления, в соответствии с советской гендерной политикой, трактовались как «естественное» проявление женственности, однако на деле именно женский труд сыграл центральную роль в обеспечении социальной устойчивости фронта.

Женщины заботились о сиротах, одиноких стариках и инвалидах, облегчая их жизнь. Характерным примером стала деятельность ташкентки Бахрихон Акрамовой и её мужа Шоахмада Шомахмудова, чья гуманность получила всесоюзную известность. В начале Великой Отечественной войны, когда в Узбекистан были эвакуированы тысячи сирот, семья Шомахмудовых приютила у себя шестнадцать мальчиков и девочек разных национальностей. Бахрихон Акрамова оберегала жизнь детей, лишившихся родителей, воспитывала их в духе трудолюбия и патриотизма.

В одном из своих выступлений на митинге в Ташкенте она заявила: «Мы не обижаем детей. Мы дарим им любовь и заботу. За невинные жертвы мы отомстим врагу. У нас не будет сирот» [12.33]. За свой подвиг Бахрихон Акрамова была удостоена высокого звания «Мать-героиня». Одна из улиц Ташкента носит имя семьи Шомахмудовых.

Многие узбекистанские женщины брали пример с Бахрихон Ашуровой и принимали на воспитание многочисленных детей. Так, например, Фотима Косимова, несмотря на то, что у неё самой было шестеро детей, приютила ещё восьмерых детей разных национальностей [13.26].

В газете «Правда Востока» от 30 января 1942 года была опубликована заметка о событии в семье А. Ходжаевых. Ходжаев задумался об усыновлении одного ребёнка и посоветовался об этом со своей пожилой матерью. Та, немного подумав, с присущей матерям добротой и состраданием ответила: «Ты же знаешь, что я не понимаю русского языка. Этот бедный ребёнок, не зная языка, будет весь день одиноким и грустным. Если уж брать, то лучше сразу двоих» [14].

Это движение постепенно расширялось. Забота о переселённых детях стала делом не только отдельных семей, но и целых коллективов предприятий, учреждений и колхозов. Так, коллектив ташкентского «Заготхлоптреста» организовал в здании своего клуба интернат на 25 детей и полностью обеспечивал его всем необходимым. Ташкентский текстильный комбинат имени Сталина под руководством партийной организации проделал большую работу по оказанию помощи эвакуированным детям. Колхозы Янгиюльского района Ташкентской области на собранные средства организовали детские дома. Девять колхозов этого района приняли на воспитание 100 детей. Колхозы Калининского района Ташкентской области выделили для детского дома 105 тысяч рублей. Восемь колхозов Сырдарьинского района взяли на попечение 190 детей [15.36].

Женщины Ташкента обратились с призывом ко всем женщинам Узбекистана, написав 2 января 1942 года письмо, в котором говорилось: «Выполним наш братский долг перед великим русским народом, народами Украины и Белоруссии. Поднимем ещё выше знамя интернационализма и братской дружбы народов Советского Союза. Пусть растут и крепнут советские дети — наша радость и наше будущее! ... Развернём в Узбекистане широкое народное движение по оказанию общественной помощи эвакуированным и оставшимся без попечения детям».

ЦК КП(б)У возложил на трудовые коллективы обязанность широко обсуждать обращение ташкентских женщин на общих собраниях. При Совете Народных Комиссаров УзССР была создана Республиканская комиссия по вопросам размещения и воспитания детей. Для эвакуированных детей в ряде мест были открыты детские дома. Даже дети из многодетных семей, оставшихся без кормильца и хлеба во время войны, временно воспитывались в этих учреждениях.

Во время Великой Отечественной войны через центральное эвакуационное управление (эвакопункт), созданное для размещения эвакуированного населения, было устроено 43 тысячи детей.

Активность в сфере здравоохранения. В годы войны потребность в медицинских кадрах была чрезвычайно велика, поэтому были предприняты меры по подготовке врачей и среднего медицинского персонала. К началу 1942 года в Узбекской ССР действовали 4103 донора, из которых 3728 составляли женщины. За четыре года войны ими было сдано 38 725 литров крови [16.180]. В период с 22 июня 1941 года по 1 января 1942 года было подготовлено 6,5 тысяч медсестёр и санитарок [17.116-117].

Женщины собирали средства на строительство самолётов и танков, организовывали отправку подарков бойцам, постоянно находились рядом с ранеными в госпиталях. В годы войны советская система здравоохранения оказалась под колоссальным давлением: раненые бойцы, эвакуированные граждане и эпидемиологические угрозы — всё это требовало высокой степени мобилизации женщин.

Труд женщин в сфере образования. В связи с уходом мужчин-учителей на фронт женщины превратились в основную опору школьной системы. В 1945/1946 учебном году в школах республики работало 34 тысячи учителей, из которых 54 % составляли женщины [18.48]. Эти изменения были связаны не только с количественными показателями, но и с трансформацией социальных ролей и гендерных норм. Многие учительницы стали для детей-сирот педагогической и эмоциональной опорой. Хотя «заботливый аспект» женского труда в годы войны нашёл отражение в официальных документах, на практике женщины подвергались эмоциональной эксплуатации, так как одновременно выполняли функции педагога, матери и психологической поддержки.

Участие в сфере культуры и духовности. Женщины-артистки и деятели литературы также сыграли значительную роль в обеспечении культурной и духовной устойчивости тыла. В театрах Узбекистана в 1941–1945 гг. было поставлено 203 новых спектакля. Было проведено 18 568 показов и концертов, которые посетили 6 687 003 зрителя [19.50]. Эти выступления были направлены на укрепление морального духа бойцов и восстановление веры в победу.

Таким образом, хотя активность женщин в сферах образования, медицины и культуры способствовала формированию социального фундамента тыла, этот труд зачастую объяснялся в рамках «естественной женственности». Их эмоциональное и психологическое напряжение, невидимый труд и многослойные обязанности должны рассматриваться через призму эмоциональной истории и гендеризированного труда. Это позволяет осмыслить женщин не только как статистический ресурс, но и как активных субъектов, создающих социальную и культурную устойчивость.

В годы войны женщины участвовали не только в производстве и сфере заботы, но и в масштабных общественных движениях, благотворительных акциях, духовно-

просветительской пропаганде и кампаниях по поддержке фронта. Советская идеология трактовала эту активность как «политическое пробуждение женщин», однако в реальности она разворачивалась преимущественно в контексте социального давления, патриотической мобилизации и гендерно обусловленных обязанностей.

В 1941–1945 гг. женщины города Ташкента и области организовали благотворительные кампании по отправке на фронт обуви, одежды, медикаментов, продуктов питания и гигиенических средств. Согласно статистическим данным, женщины-колхозницы Урта-Чирчикского района Ташкентской области проявили инициативу, засеяв 30 гектаров земли различными культурами для создания продовольственного фонда в поддержку семей советских бойцов [20.33].

В 1942–1944 гг. в Ташкентской области были организованы «женские учебные группы», «культурные мероприятия для школ» и агитационные бригады под лозунгом «За Родину», в которых активно участвовали многие женщины. Они выступали с докладами в школах, сельских сходах и на предприятиях о задачах, имеющих важное значение для победы в войне, способствуя поддержанию идеологической стабильности среди населения.

Юлия Градскова отмечает, что подобная деятельность использовалась советской идеологией для создания образцовых образов женской политической активности. Она называет этот процесс «идеологической эмансипацией», подчеркивая, что он представлял собой не реальную политическую власть, а скорее конструкцию женственности в рамках внешней социальной активности (Gradska, 2020).

Женщины, участвовавшие в пропаганде и общественных движениях, часто изображались в образах «патриотической матери», «самоотверженной узбекской женщины». Синтия Энло определяет подобные образы как «стратегическую гендеризацию», то есть использование женского труда и эмоциональной вовлеченности в качестве инструмента для нужд государственной идеологии (Enloe, 2000).

В годы Второй мировой войны узбекские женщины становились опорой общества не только в сферах труда, благотворительности и пропаганды, но и в поддержании психологической и эмоциональной устойчивости. Они сталкивались с эмоциональным давлением, горем от утраты близких, социальной изоляцией, моральной нагрузкой и физическим истощением, противостояли невидимым, но глубоко оставляющим след аспектам войны.

С помощью подхода эмоциональной истории эти процессы можно проанализировать с гендерной точки зрения. Одним из тяжёлых последствий войны было то, что мужчины уходили на фронт и многие из них не возвращались. Архивные материалы и устные истории показывают, что многие женщины в годы войны теряли мужей, сыновей и братьев. Они воспринимали это как глубокий психологический удар, но одновременно как обязательство проявлять терпение перед обществом.

Барбара Тейлор и Джоанна Бурк называют подобное явление «гендерной стойкостью» (gendered resilience), то есть ассоциируют женщин с терпением, самоотверженностью и молчаливым горем (Taylor, 2004; Bourke, 1999).

Помимо трудовой деятельности, женщины также несли психологическое давление: заботились о семье, воспитывали детей, выполняли государственные задания, участвовали в благотворительных и культурных мероприятиях, работали ночами без сна и ожидали новостей с фронта. Эти факторы вызывали у многих женщин хронический стресс, депрессию и эмоциональное истощение. Например, через образы Ра'но и Робии в романе О'ткира Хашимова «Между двумя дверями» отражены внутренние переживания таких женщин [21.624].

Арли Хохшильд в своей книге «The Managed Heart» называет этот процесс «невидимым эмоциональным трудом», то есть трудом по контролю, скрытию и адаптации собственных эмоций в соответствии с требованиями общества (Hochschild, 1983). Этот труд не имеет физического проявления, но постепенно приводит женщин к эмоциональной и социальной

эксплуатации. Например, трудовые бригады в Ташкенте, учителя в школах, медсестры, работающие ночами в госпиталях, артисты, ежедневно выступавшие перед ранеными солдатами — каждая из этих групп обладала высокой социальной активностью, но была вынуждена преодолевать её с сердечной болью, страхом и одиночеством.

Анализ психоэмоционального состояния женщин демонстрирует их «невидимый груз» в истории. С точки зрения гендерной истории, опыт узбекских женщин в годы войны — это не только трудовая статистика, но и история эмоциональной устойчивости, служения обществу, эксплуатации и невидимого труда. Они были символами стабильности для государства, но оставались одинокими со своими психологическими потребностями.

Заключение

Данная статья была посвящена анализу экономической, социальной и культурной деятельности женщин в годы Второй мировой войны на территории Узбекской ССР с опорой на теории гендерной истории и эмоциональной истории. В работе были рассмотрены следующие вопросы: в каких сферах женщины проявляли активность? Как эта деятельность повлияла на их гендерные роли? Как государственная идеология интерпретировала их труд? Как формировалось психоэмоциональное состояние женщин? И, наконец, как эту историческую практику можно проанализировать с использованием современных теоретических подходов?

Исследования показали, что в годы войны женщины заменяли мужчин в хлопководстве, промышленности, строительстве, здравоохранении, образовании, культуре, благотворительности и пропаганде, становясь ведущей силой в обеспечении социальной и экономической стабильности тыла. Их участие часто интерпретировалось в рамках идеи «естественной женственности», как проявление заботы, преданности и средства поддержания социальной устойчивости.

Государственная идеология продвигала образы женщин как «верных матерей Отчизне» и «преданных тружениц», однако это привело к девальвации их эмоционального труда и игнорированию психологических нагрузок. В статье анализ этих процессов осуществлен на основе теории эмоционального труда Арли Хохшильд, концепции милитаризованного гендера Синтии Энло и модели советской эмансипации Юлии Градсковой.

Эмоциональная устойчивость женщин, их борьба с потерями, социальной изоляцией и психологическим давлением превратили их не только в исторических субъектов, но и в носителей невидимого эмоционального труда.

Таким образом, участие узбекских женщин в годы Второй мировой войны — это не только история цифр и официальной статистики, но и многогранный социальный, эмоциональный и культурный опыт, анализ которого с гендерной точки зрения представляет собой важный теоретический и эмпирический источник для современной историографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourke, J. *Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain and the Great War*. — Chicago: University of Chicago Press, 1999. — 384 p.
2. Campbell, D'Ann. *Women at War with America: Private Lives in a Patriotic Era*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. — 320 p. — ISBN 978-0-674-95475-5.
3. Gradska, Y. *Soviet Politics of Emancipation of Women during the Cold War: Reconfiguring the Gender Relation*. — Cham: Palgrave Macmillan, 2020. — 270 p. — ISBN 978-3-030-38119-0. — DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-38120-6>
4. Ибрагимова, А. Ю. Женщины Узбекистана в годы Великой Отечественной войны: в помощь лектору. — Ташкент, 1987. — 20 с. Ибрагимова, З. Ф. Коммунисты Узбекистана — организаторы патриотических подвигов женщин республики в период Отечественной войны 1941–1945 гг. — М., 1953. — 74 с. Мадрахимова, Р. Ўзбекистон хотин-қизларининг Улуғ Ватан уруши йилларидаги меҳнат ва жасоратлари. — Тошкент: Фан, 1981. — 64 с. Рахмат, А. Шинелли қизлар: Ўзбекистон хотин-қизларининг гражданлар ва Улуғ Ватан урушларида

- кўрсатган қахрамонликлари хақида очерклар. — Тошкент: Ёш гвардия, 1970. — 264 б.
- Тўлаганова, М. Ўзбекистон хотин-қизлари Улуғ Ватан уруши йилларида: монография. — Тошкент, 1974. — 20 б.
5. История Узбекской ССР: в 4 т. Т. 4. — Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1968. — 560 с. — С. 109.
6. История Узбекской ССР: в 4 т. Т. 4. — Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1968. — 560 с. — С. 110.
7. Қизил Ўзбекистон. — 1943. — 5 марта.
8. Сулаймонова, Х. С. Ўзбекистон хотин-қизлари — коммунистик қурилишнинг актив қатнашчилари. — Тошкент: Ўзбекистон Фанлар Академияси, 1955. — 40 б.
9. Hochschild, A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. — Berkeley: University of California Press, 1983. — 338 p. — ISBN 978-0-520-04804-4.
10. Жўраева, Н. Ўзбекистонда хотин-қизларга муносабат (XX асрнинг 20—80 йиллари мисолида): ўқув қўлланма. — Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2013. — 144 б.
11. Қизил Ўзбекистон. — 1942. — 6 марта.
12. Насриддинова, Й. Ўзбекистон хотин-қизлари. — Тошкент: Ўзбекистон, 1964. — 73 с.
13. Охунова, М. Ўзбекистон хотин-қизлари — коммунизм бунёдкорлари. — Тошкент: Фан, 1984. — 48 б.
14. Правда Востока. — 1942. — 30 января.
15. Воскобойников, Э. А. (пер. М. Иброхимов). Ўзбек халқи Улуғ Ватан уруши йилларида. — Тошкент: Ўздавнашр, 1947. — 47 б.
16. Чадаев, Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Мысль, 1985. — 257 с.
17. Узбекская ССР. — Ташкент, 1981. — 555 с.
18. Окилов, Қ., Аббосова, Л. Ўзбекистон хотин-қизлари маданий қурилишда. — Тошкент: Фан, 1976. — 60 с.
19. Окилов, Қ., Аббосова, Л. Ўзбекистон хотин-қизлари маданий қурилишда. — Тошкент: Фан, 1976. — 50 с.
20. Аминова, Р. Совет Шарқи ва хотин-қизлар: Совет Шарқи тараққиётининг нокапиталистик йўли ва хотин-қизларнинг озодликка чиқиши. — Тошкент: Қизил Ўзбекистон, Правда Востока, Ўзбекистон, 1964. — 41 с.
21. Ҳошимов, Ў. Икки эшик ораси. — Тошкент: Шарқ, 2013. — 624 с.

REFERENCES

1. Bourke J. Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain and the Great War. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 384 p.
2. Campbell D'Ann. Women at War with America: Private Lives in a Patriotic Era. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 320 p. ISBN 978-0-674-95475-5.
3. Gradska Y. Soviet Politics of Emancipation of Women during the Cold War: Reconfiguring the Gender Relation. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 270 p. ISBN 978-3-030-38119-0. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-38120-6>
4. Ibragimova A. Y. Women of Uzbekistan during the Great Patriotic War: A Lecturer's Aid. Tashkent, 1987. 20 p.
- Ibragimova Z. F. Communists of Uzbekistan – Organizers of Patriotic Feats of Women of the Republic during the Great Patriotic War 1941–1945. Moscow, 1953. 74 p.
- Madrhimova R. Labor and Courage of Uzbek Women during the Great Patriotic War. Tashkent: Fan, 1981. 64 p.
- Rakhmat A. Shinelly Girls: Essays on Heroism of Uzbek Women in Civil and Great Patriotic Wars. Tashkent: Yosh Gvardiya, 1970. 264 p.
- Tolaganova M. Uzbek Women during the Great Patriotic War: Monograph. Tashkent, 1974. 20 p.

5. History of the Uzbek SSR, vol. 4. Tashkent: Fan Publishing, 1968. 560 p. p. 109.
6. History of the Uzbek SSR, vol. 4. Tashkent: Fan Publishing, 1968. 560 p. p. 110.
7. Red Uzbekistan. 1943, March 5.
8. Sulaymonova Kh. S. Uzbek Women – Active Participants in Communist Construction. Tashkent: Academy of Sciences of Uzbekistan, 1955. 40 p.
9. Hochschild A. R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983. 338 p. ISBN 978-0-520-04804-4.
10. Zhoraeva N. Attitude to Women in Uzbekistan (20th–80th Centuries): Textbook. Tashkent: Alisher Navoi National Library of Uzbekistan Publishing, 2013. 144 p.
11. Red Uzbekistan. 1942, March 6.
12. Nasriddinova Y. Uzbek Women. Tashkent: Uzbekistan, 1964. 73 p.
13. Okhunova M. Uzbek Women – Builders of Communism. Tashkent: Fan, 1984. 48 p.
14. Pravda Vostoka. 1942, January 30.
15. Voskoboynikov E. A. (transl. M. Ibrokhimov). The Uzbek People during the Great Patriotic War. Tashkent: Uzdavnashr, 1947. 47 p.
16. Chadaev Ya. E. The Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945). 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Mysl, 1985. 257 p.
17. Uzbek SSR. Tashkent, 1981. 555 p.
18. Okilov Q., Abbasova L. Uzbek Women in Cultural Construction. Tashkent: Fan, 1976. 60 p.
19. Okilov Q., Abbasova L. Uzbek Women in Cultural Construction. Tashkent: Fan, 1976. 50 p.
20. Aminova R. Soviet East and Women: Non-Capitalist Path of Soviet Eastern Development and Women's Emancipation. Tashkent: Red Uzbekistan, Pravda Vostoka, Uzbekistan, 1964. 41 p.
21. Khoshimov O. Between Two Doors. Tashkent: Sharq, 2013. 624 p.